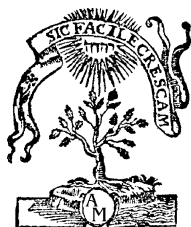

БЕСТИАРИЙ КАК ARS COMBINATORICA

RES et VERBA — 8

АКВАРИУС
Т У Л А
2 0 2 0

ББК 83.3(0)

Б53

УДК 82.0, 808, 7.042

Бестиарий как *ars combinatorica*: сб. статей / Сост. Ольга Довгий, Алиса Львова. – Тула: Аквариус, 2020. – 270 с.

Bestiary as Ars combinatorica / Edited by Olga Dovgy, Alice Lvova. – Tula: Aquarius, 2020. – 270 p.

Проект «RES et VERBA», встреча 8.

Составители

Ольга Довгий, Алиса Львова.

Научные рецензенты

д.ф.н. И. В. Ершова (ИМЛИ РАН, РАНХиГС),

д.ф.н. В. Л. Коровин (МГУ им. М. В. Ломоносова).

Художник Л. Е. Каирский

Книга представляет собой сборник статей по материалам научной конференции «Бестиарий как *ars combinatorica*» (восьмой встречи в рамках программы «RES et VERBA»), состоявшейся 18-19 января 2019 года в РГГУ. Основная тема сборника – бестиарное выражение искусства сочетать, комбинировать. На широком и разнообразном материале авторы статей, известные российские учёные, показывают универсальность бестиарной метафоры для интерпретации сложных комбинаторных связей, лежащих в основе многих произведений литературы и искусства. Издание включает многочисленные иллюстрации. Предназначено как для специалистов в области гуманитарных наук, так и для широкого круга читателей.

The book is a collection of articles based on the materials of the scientific conference “Bestiary as *ars combinatorica*” (the eighth meeting within the framework of the “RES et VERBA” program) held on January 18-19, 2019 at the Russian State University for the Humanities. The main theme of the collection is a bestiary expression of the art of combining. Using a wide and varied material the authors of articles, well-known Russian scientists, show the universality of bestiary metaphors for the interpretation of complex combinatorial connections that underlie many works of literature and art. The publications include numerous illustrations. It is intended both for specialists in the field of the humanities and for a wide range of readers.

ISBN 978-5-8125-####-#.

© Авторы статей, текст статей, 2020.

Бестиарные образы святых
в проповедях Симеона Полоцкого
из сборника «Вечеря душевная»

44

Животные, ведущие себя как люди, и люди, ведущие себя как животные (по Пс 48:13: «Ч(е)л(овѣ)къ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленымъ и уподобися имъ»¹, см. например ОД лл. 37, 128, 430об., 432, 528²), несли для человека конца XVII в. моральный, нравоучительный смысл³. В проповедях на господские, богородичные праздники и памяти святых из сборника Симеона Полоцкого «Вечеря душевная» (1683 г.) встречается небольшая группа положительных бестиарных образов, иллюстрирующих добродетели Иисуса Христа и Богородицы, святых и мучеников: Христос – *инрог*, Иоанн Златоуст – *ластовица*, Богородица – *кокошь*, первомученик Стефан – *хамелеон* и так далее.

Подобных образов в «Вечере» совсем немного и далеко не все святые, которым посвящены проповеди из сборника, сравниваются с теми или иными животными. Наибольшее количество анималистических образов – у св. Екатерины (*агница, овца, мравий, пчела, голубица*), Григория Неокесарийского (*орел, вол, лев, телец*) и Григория Богослова (*агнец, овча, вол, лев*). В целом в христианской символике с душой, духовностью и праведностью связана небесная сфера и, следовательно, бестиарным воплощением праведной жизни и праведников оказываются птицы, в основном не ночные и не хищные, такие как *ласточка, лебедь* (но могут быть и исключения – *орел, сова*) и мифические летающие существа, такие как *феникс*. Наземные и водные животные, в основном олицетворяющие грехи, становятся непригодными для описания святых и мучеников. Откуда же происходят бестиарные образы святых и мучеников и как они связаны с библейским и литургическим текстом? Как устроены эти аналогии и как Симеон использует источники и готовые образы?

В тексте Священного Писания имеется целый ряд устоявших-

ся анималистических аллегорий Иисуса Христа (*агнец* (Ин 1:29), *лев* (Откр 5:5) и *скимен* (например, Ис 31:4), *орел* (например, Иер 48:40), *кокошь* (Мф 23:37)), которые по аналогии распространяются на святых и мучеников, своим житием подражавших Христу. Так, у Симеона появляются свв. Петр и Григорий – агнцы, св. Николай – лев: «Воистинну бо бяше Петръ с(вя)тый от дѣтства своего, агнецъ незлобимъ, кротостию, и смирениемъ, подобяся н(е)б(е)сному агнцу хр(и)сту г(о)с(по)ду» (ВД л. 153об.⁴); «яко агнецъ незлобивый [Григорий Богослов. – *А. П.*]» (ВД л. 229); «Возрыкнулъ есть яко Левъ силный Николай с(вя)тый, и абие волцы хищнии от стада овецъ хр(и)стовыхъ утекоша» (ВД л. 148).

Бестиарные образы Богородицы достаточно разнообразны (*агница*, *кокошь*, *орел*, *феникс*, *ластовица* и *слон*), тогда как женские образы святых в целом крайне немногочисленны – это прежде всего *агница*, *овца*, *голубица*, а также *мравий*. В основном все образы Богородицы были заимствованы Симеоном из образного арсенала Христа – *орел*, *феникс* и не очень распространенный образ *кокоши*⁵, например: «Вводится агница непорочная, хотящая родити миру, преч(е)стнаго агнца б(о)жия, вземлющаго грѣхи всего мира» (ВД л. 102). В проповеди на третье воскресенье по Пасхе из «Обеда душевного», в которое церковью вспоминаются жены-мироносицы, Симеон перефразирует библейскую цитату Мф 26:31 и проводит следующее разделение между *агнцем* и *овцою* «по полу»:

Написася во пророчествиихъ: поражу пастыря, и разыдутся овцы: аще по полу разсуждати подобало бы, дерзнуть быхъ реши, яко подобаше писати и гла(гола)ти: поражу пастыря, и разыдутся агнцы, ибо агнцы ап(о)ст(о)ли разыдошася, разбѣгошася, и сокрышася. Овцы же, с(вя)тыя жены, б(о)голюбящыя мироносицы, и ко кр(е)сту, и ко гробу послѣдуютъ пастырю (ОД л. 32об.).

И *агница*, и *овца* могут выступать как в качестве аллегии, так и в качестве элемента сравнительного оборота:

- «предаша овцу хр(и)стову словесную, безъсловеснымъ звѣремъ дивымъ на разстерзание» (св. Татьяна; ВД л. 222) – аллегория;
- «и приведеса Екатерина, яко агница противу Львомъ, и овца противу тигромъ» (св. Екатерина; ВД л. 113 об.) – сравнительный оборот;
- «невинную и незлобивую агницу агнца б(о)жия» (св. Татьяна; ВД л. 221) – аллегория.

Все бестиарные образы можно представить в виде концентри-

ческих кругов с образами Христа из библейских текстов в центре, за ними – библейские же и минейные образы Богородицы, затем – образы святых и мучеников, частично восходящие к образам Христа, частично – к другим библейским текстам и текстам служб.

Образы святых, сравниваемых с *орлом*, различаются по своей структуре – некоторые зафиксированы в библейском тексте, некоторые представляют собой его интерпретации, а некоторые обращаются к «Физиологу» и шестодневам. Так, образ Иоанна Богослова, «высокопарящего орла» (ВД л. 475об.), напрямую связан с евангельским текстом, в котором Иисус назвал Иоанна «воанергесь, еже есть с(ы)на громава» (Мк 3:17): «ибо якоже орель молний и громовъ не боится: тако онъ [Иоанн Богослов. – А. П.] скорбей и томлений различныхъ не устрашися» (ВД л. 67об.). Лазарь Баранович, проповедник и учитель Симеона, развивает образ через отсылку к жизни апостола (Иоанн присутствовал при распятии Иисуса на Голгофе): «Иоанн Печатуется Орломъ. Возлете сей орель на Гору Голгофу»⁶.

46

Сравнение Григория Неокесарийского с *орлом* объединяет в себе сразу несколько семантических пластов – два библейских контекста и бестиарный сюжет, встречающийся уже в «Физиологе» и часто использующийся как аллегория Христа: «Имѣ лице орла, яко умомъ си даже въ н(е)бо възлѣташе, яко зѣницы своя ко истинному с(о)лицу всегда обращаше, и яко аки орель юность свою обновляше» (ВД л. 100об.). Прилог об орле, который обращает своих птенцов к мысленном солнцу – Иисусу, читается в «Слове 2, въ н(е)д(ѣ)лю 15, по Сошествии С(вя)таго Д(у)ха» из «Обеда душевного»: «Орель бо птенцы своя очима ко солнцу обращаетъ, во еже бы оними тако не несмѣженными зрѣти зѣницами, якоже он сам възглядаетъ» (ОД л. 289об.)⁷. «Лице орла» происходит из книги пророка Иезикииля (1:5–18); орел, обновляющий свою юность – из Пс 102:5. Симеон использует мотив обучения орлом своих птенцов и в образе Богородицы: «яко орель птенцы си къ възлѣтанію возбуждая, выспръ лѣтаетъ надъ ними: тако она къ высотѣ н(е)б(е)снѣй с(е)рдца наша възвышаючи, се днесъ сама выспръ на въздусъ явится изволи надъ нами» (ВД л. 80об.).

Сравнивается с *орлом* и апостол Андрей: «Претече яко орель **крылатый** Фракию» [здесь и далее жирный текст в цитатах мой. – А. П.] (ВД л. 120об.). Этот образ, восходящий к службе Андрею первозванному, был дополнен и развит Симеоном, так как в службе св. Андрей называется только «крылатым»: «и повелѣния его дерзостно проповѣда вселеннѣй якоже **крылатъ**, посѣщая и оуча языческая разъстояния»⁸. Крылатыми в службах называются также

и свв. Петр и Павел: «весь всюду мир проидосте, якоже **крылаты**»⁹.

Образ Богородицы – *кокоши* происходит из Евангелия от Матфея (коль краты восхотѣхъ собрати чяда твоя, якоже **собирает кокошь птенцы своя подь крылѣ**, и не восхотѣсте, Мф 23:37)¹⁰: «покрывает ны она, крилома м(и)л(о)сти своя от казни б(о)жия, якоже кокошь птенцы своя от пазногтей орлихъ» (ВД л. 74об.); «яко обыче Кокошь крилѣ си простерши, птенцы си сзываети, и от хищнаго птичища хранити, купно же и согрѣвати» (ВД л. 81). Семантика образа очевидна – оберегающая своих птенцов крыльями курица по принципу аналогии символизирует Богородицу, которая в православной традиции выступает как защитница и заступница христиан.

Еще один бестиарный образ Богородицы, заимствованный Симеоном у Христа – это *феникс*: «едина есть, яко единъ финиксъ на воздухѣ» (ВД л. 18об.). Практически идентичное сопоставление Христа с фениксом встречается в «Обеде душевном»: «яко единъ финиксъ между птицы подьн(е)б(е)сными, яко едино между планеты с(о)лнце, единъ сый совершенный ч(е)л(овѣ)къ во бл(а)гоусти хр(и)стовъ г(о)с(по)дь» (ОД л. 38). В минейном тексте эпитет «единый» по отношению к Богородице и Христу подчеркивается несколько раз: «едина, и единаго въводящи хр(и)ста во вселенную, къ спасению д(у)шамъ нашимъ»¹¹.

Образы *вола* и *тельца* из проповеди на день Григория Неокесарийского связаны как с библейским текстом, так и с минейным: «и яко аки вольт, // не себѣ, но вл(а)д(ычи)цѣ нивы весь день жития си работаше» (ВД л. 100–100об.) и «имѣ лице телца, яко на нивѣ хр(и)стовѣ непрестанно трудися» (ВД л. 100). *Вол* и *телец* трактуются Симеоном как синонимы. «Лице тельца» восходит к Иез 1:5–18. Стефан Яворский предлагает следующее толкование этого образа (в его проповеди *львами*, *тельцами* и *орлами* называются воины):

Три вещи наипаче похвалы достойныя во тельце усмотрено: Первая, яко телец на себе ярем носит, якоже во иных землях ведаем, идеже тельцами или волами орют, возят, и различныя тяжкия работы тельцами отправляют, откуда и оное Евангельское слово: супруг волов пять и иду искусити их. Вторая вещь, яко телец приятна Богу жертва, якоже читаем в ветхом завете, идеже тельцы наипаче в жертву Богу приносимы были. О чесом и Псаломник воспоминает: тогда возложат на олтарь твой тельцы (Псал. 8). И в небе учреждение не иное, только телец. Слушайте, что глаголет Отец не-

бесный восприемлющий сына блуднаго; Велите заклати на учреждение телец: телец, рече, заколите упитанный, и ядше возвеселимся¹².

В одной проповеди из «Обеда душевного» Симеон написал, что «волове ралами тяжяють не себѣ, но ч(е)л(овѣ)комъ» (ОД л. 430об.)¹³. В службе св. Григорию читается сходный мотив нивы и работы в поле: «дѣлателя, яко пожа премоудростныи плодъ»¹⁴ и «Землю добрую о(т)че б(о)гомудре взоравъ, словесное бо сѣмя приемъ сторицею ев(ан)г(е)льски, много сугоубѣиши еще и н(ы) не григорие...»¹⁵. В «Обеде душевном» *вол* как животное, работающее на земле, встречается также в цитате из св. Августина: «Сия, супрузи воломъ гл(агол)ются, яко чрезъ сия, земная взыскуются: волове бо вращають землю» (ОД л. 457) (ср. проповедь Фабера, из которой Симеон заимствовал свой текст: *bobus terram versant*)¹⁶. «Вращають» в данном контексте означает по-видимому пашут, переворачивают¹⁷. С *волом*, работающим на ниве, сравнивается и Григорий Богослов: «Бѣ трудолюбивъ на нивѣ хр(и)стовѣ, якоже воль» (ВД л. 237).

48

Образ Николая Чудотворца – *еленя* был заимствован Симеоном из Псалтыри; в качестве образной части аналогии выступает фрагмент стиха Пс 41:1: «яко скорѣ **течаше** онъ [Николай Чудотворец. – А. П.] во храмъ б(о)жий на м(о)л(и)тву, нежели елень въ жадѣ своей на источникъ водный»¹⁸ (ВД л. 144). Использование этого стиха в таком же ключе встречается рано в древнерусской книжности, например в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру»¹⁹: «Якоже жадаеть елень на источники водныя, тако вжада благовѣрный князь Володимерь святого крещения, и Богъ сътвори хотѣние его». Кроме того, в службе Николаю Чудотворцу в описании св. Николая встречается тот же самый глагол: «на хвалу **постекль еси** г(о)с(по)дню николае, во временнѣй жизни»²⁰.

Тексты из служебных миней могут становиться и источником дословных заимствований. Так, эпитет Иоанна Златоуста из поучения Симеона совпадает с текстом службы святому: «Что разсуждая тезоименникъ его **ластовица б(о)гогл(агол)ивая**, уч(и)т(е)ль вселенский от златыхъ словесъ» (ВД л. 520об.) и «**ластовица бл(а)гоглаголива** и многогласна»²¹. *Ластовицей* иногда называются и другие учителя церкви, например Иоанн Дамаскин в проповедях Стефана Яворского: «и наипаче сладкоглаголивая ластовица Дамаскин святыи в своем октоихе на многих местах»²². Этот образ также косвенно отсылает к стиху Ис 38:14 «яко ластовица такоже възшебечю» – ласточка становится символом человека, «извещающего» слова и истину Христа. Это значение сохраняет-

ся и тогда, когда *ластовица* используется как образ Богородицы: «Прилетѣ, яко горлица, или ластовица, красныя весны бл(а)годати бл(а)говѣстница» (ВД л. 292); «Возопи прен(е)б(е)сная ластовица прес(вя)тая д(е)ва М(а)риа» (ВД л. 351об.).

Слон появляется в описании Богородицы в проповеди на праздник Покрова в следующих контекстах, взятых из Песни Песней: «Третий столпъ, Слоновъ: Шия твоя яко столпъ Слоновъ, или костию слоновую украшенный» (ВД л. 77об.) и «Кость же Слонова есть свѣтла, бѣла, тверда, и ч(е)стна. Яже все имѣ въ себѣ пр(ѣ)с(вя)тая д(ѣ)ва. Свѣтла, бл(а)г(о)д(а)тми б(о)жиими: бѣла, чистотою душевною и тѣлесною: тверда, непозыблемым постоянством, и крѣпостию на враги: ч(е)стна б(о)гу и агг(е)ломъ и ч(е)л(овѣ)ком» (ВД л. 77об.). Симеон сравнивает Богородицу с семью столпами из Священного Писания; исходным пунктом для сопоставления служит цитата из Песн 8:10 «азъ стѣна, и сосца моя яко столпъ» (ВД л. 76об.). Этот образ, как и практически все выше рассмотренные, не был создан Симеоном — в тексте из служебной минеи Богородица также называется столпом²³.

Сравнение пророка Ионы с *голубем* («мысленный нашъ голубь, во с(вя)тыхъ о(те)ѣ нашъ Иона, егоже имя с(вя)тое, голубя его быти знаменуеѣ, занеже Иона толкуемо сказуется голубица», ВД л. 341; см. также ВД л. 345об.) представляет собой развитие риторического приема этимологии — на иврите «Иона» означает «голубь». *Голубицей* в служебных минеях традиционно называются святые-женщины²⁴; у Симеона *голубицей* названа св. Екатерина: «и с(вя)тѣй Екатеринѣ, голубицѣ си чистой» (ВД л. 114).

Сравнение пророка Захарии и Иисуса Христа с *лебедем* основывается как на тексте службы, так и на бестиарном сюжете из «Физиолога»: «Возопи яко лебедь бѣлый, ч(е)стнымии сѣдинами Захариа украшенный» (ВД л. 351 об.) и «Поетъ сладцѣ яко лебедь предъ смертию своею, чая по житейстѣмъ морѣ тихаго пристанища въ нѣдрѣхъ авраамлихъ» (ВД л. 258 об.). В минейном тексте появляется мотив пения, центральный для обоих сравнений («Направляется к пѣнию, языкъ твой б(о)гогл(агол)иве»²⁵); во втором фрагменте Симеон использует хорошо известный с античных времен образ лебедя, поющего перед смертью²⁶. В обоих сравнениях пение лебедя соотносится с пророческим даром Захарии, а белые седины пророка — с белым оперением птицы.

Среди всех анималистических образов единственным полноценным прилогом (*exemplum*) оказывается образ *хамелеона*. В «Слове о Стефане первомученике» *хамелеонъ* неожиданно становится иносказательным обозначением самого Стефана:

Повѣствуютъ естествословцы о нѣкоемъ животномъ, именуемом Хамелеонъ, яко то егоже цвѣта вещь имать себѣ предложенную, той цвѣтъ в тѣлеси своемъ изображаетъ, и явствуетъ зрящимъ нань. Подобное тому дѣйство бѣше во сѣомъ первомученицѣ и архидиаконѣ Стефанѣ: ибо единою предложивъ мысли, срдцу, и души своей Хр(и)ста Г(о)с(по) да, его цвѣтъ приять на себе, егда во Хр(и)ста кр(е)стився, во Хр(и)ста облечся: и его цвѣтъ иудеомъ явствова по себѣ» (ВД л. 179).

В этом прилоге речь идет о том, что как *хамелеон* воспринимает цвета окружающей среды и демонстрирует их смотрящим на него, так и Стефан, восприняв слово Христа, после проповедал, «являл» его иудеям. Так, из традиционного символа лицемера и грешника *хамелеон* превращается в положительный образ мученика.

В отличие от «Обеда душевного», в проповедях которого встречается более ста различных наименований животных, использованных Симеоном как аллегории грешников, бестиарная образность «Вечери душевной» не так богата и разнообразна. Грешный земной мир, «мысленную» пустыню из проповедей «Обеда душевного» («Якоже в пустыни звѣрие различнии жителствуютъ: тако в мирѣ семь звѣронравнии людие обитають», ОД л. 128) населяют грешники – «скоты несмысленные»: лютый/жестокый/яростный человек *лев*, хищный – *волк*, немилосердный – *тигр* или *мраволев*, человеконенавистник или лжеучитель – *рысь*, хитрый – *лис*, трусливый – *заяц*, благодетель – любитель болота, грехов – *вепрь*, двоедушный, шаткий в вере – *бобр*²⁷. Мир «Вечери душевной», мир праведников, святых и мучеников, также населен животными, но их выбор определяется житейным характером проповедей. Обитатели «Вечери» – это библейские *агнец* и *овца*, *голубица*, *ластовица*, *пчела* и *мравий*, *лев* и *орел*, встречающиеся также в текстах служебных миней. Создавая свои анималистические образы святых, Симеон опирался на библейские и минейные тексты, дополняя и развивая их. Ряд образов был заимствован им из «Физиолога», а один образ – образ хамелеона – Симеон превратил из традиционно негативного в положительный, сравнив с хамелеоном Стефана первомученика.

¹ Здесь и далее в цитатах сохраняется орфография оригинала, выносные буквы внесены в строку, паерки заменены на Ъ, титла раскрываются.

² Здесь и далее цитаты из «Обеда душевного» (в тексте в скобках указывается – ОД) приводятся по изданию: Симеон Полоцкий. Обед душевный. Москва, Верхняя типография. 1681.

³ Sokolski J. Elephantographia curiosa, czyli porosmawiajmy o sloniach // Różnorodność form narracji w literaturze dawnej. Opole, 2006. S. 19–30.

⁴ Здесь и далее цитаты из «Вечери душевной» (в тексте в скобках указывается – ВД) приводятся по изданию: Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. Москва, Верхняя типография. 1683.

⁵ См. стихотворения Симеона «Кокш» и «Отец Бог» из «Вертограда многоцветного». Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj. V. 2. Köln; Weimar; Wien. 1996. S. 204, 467.

⁶ Лазарь (Баранович), еп. Трубы словес проповедных на нарочитые праздники. Киев, Типография Лавры. 1674 [1-ое изд.]. Л. 35.

⁷ В «Истории животных» Аристотеля схожее поведение приписывается морскому орлу (один из подвидов орлов). Аристотель. История животных. Москва, 1996. С. 369.

⁸ Минея служебная. Ноябрь. Москва, Печатный двор. 1645. Л. 504.

⁹ Минея служебная. Июнь. Москва, Печатный двор. 1627. Л. 341об.

¹⁰ Московская Библия. Москва, Печатный двор. 1663.

¹¹ Минея служебная. Сентябрь. Москва, Печатный двор. 1644. Л. 115.

¹² Стефан Яворский, митр. Сочинения. Саратов, 2014. С. 160.

¹³ Любопытно, что этот образ у Симеона положительный – он используется в токовании богача, собравшего много жита (Лк 12:20) не себе, по словам Симеона, но людям, но демоны забрали его душу раньше, чем он роздал все собранное другим. В толковании Феофилакта на Евангелие от Луки, который упоминается выше на этом же листе, этот стих трактуется совершенно противоположным образом – по Феофилакту, следует собирать не для себя, а для Бога.

¹⁴ Минея служебная. Ноябрь. Москва, Печатный двор. 1645. Л. 228об.

¹⁵ Минея служебная. Ноябрь. Москва, Печатный двор. 1645. Л. 232.

¹⁶ Faber M. Concionum opus tripartitum. P. 2. Ingolstadt, 1631. S. 467.

¹⁷ О значении этой фразы у св. Августина см. Mosetti Casaretto, F. Unibos e il 'pio bove' // L'Immagine riflessa. Ser. NS. vol. 11. 2002. S. 134.

¹⁸ Ср. схожее использование библейской формулы для описания грешника: «Наипаче же воста нань со гневом и яростию, яко лютая иена, или сильная мечка, Евдоксия царица» (ВД л. 251). Пара «лев и медведь» встречается в Библии в Прит 28:15: в Вульгате это медведь «Leo rugiens, et ursus esuriens» (Biblia Sacra, Vulgatæ Editionis, Sixti V et Clementis VIII. 1590, 1592, 1593, 1598: <http://sacredbible.org/vulgate1822/index.htm>) (скорее всего, именно латинским текстом и пользовался Симеон; о его использовании Вульгаты см. Преображенская А. А. Авторские изменения в библейском тексте: цитаты в проповедях Симеона Полоцкого // Slověne. 2018. Т. 7. № 1. С. 115–147), тогда как в Московской Библии читается волк, а не медведь.

¹⁹ Память и похвала князю русскому Владимиру: <http://lib2.pushkinskiydom>.

[ru/tabid-4870.](#)

- ²⁰ Минея служебная. Май. Москва, Печатный двор. 1646. Л. 124об.
- ²¹ Минея служебная. Ноябрь. Москва, Печатный двор. 1645. Л. 164.
- ²² Стефан Яворский, митр. Сочинения. Саратов, 2014. С. 132.
- ²³ Например: «Столпъ цѣломудрия од(у)шевлень», Минея служебная. Сентябрь. Москва, Печатный двор. 1644. Л. 115.
- ²⁴ Например, см. Минея служебная. Сентябрь. Москва, Печатный двор. 1646. Л. 17об.–18.
- ²⁵ Минея служебная. Сентябрь. Москва, Печатный двор. 1644. Л. 57.
- ²⁶ Те же сведения о лебеди читаются в «Физиологе» и шестодневях. Белова О. В. Славянский bestiарий. Словарь названий и символики. Москва, 2001. С. 158.
- ²⁷ Об образах грешников в «Обеде душевном» см. Преображенская А. А. «Зверонравные люди»: нравоучительные *exempla* в проповедях Симеона Полоцкого // *Jezikoslovni Zapiski*. 2018. Т. 2. С. 161–178.